

ПРОТОИЕРЕИ Д. И. БОГОЛЮБОВ
ЛЮБОПЫТНЫЙ СЕКТАНТСКИЙ ТИП
(ПО АВТОБИОГРАФИИ Т. А. ЗАЙЦА)

Для понимания сектантской психологии обильный материал дают автобиографии вождей сектантских общин. Из них выясняется: как эти вожди жили в православии? Как веровали и в чем полагали сущность христианской жизни? Как и почему зародилось в них сомнение в вере? Куда, наконец, они пришли в итоге своих религиозных исканий?

К сожалению, на эти вопросы сектантские автобиографии отвечают не всегда с полной искренностью. А потому к ним надобно относиться с критической рассматрительностью.

Так, осторожно в качестве материала для сектантской психологии мы используем автобиографию Т. А. Зайца, напечатанную в третьем выпуске «Материалов к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества»¹. «Материалы» эти издавались В. Д. Бонч-Бруевичем. Издатель заботливо собирал сектантские рукописи, бережно хранил их и полностью помещал в своих «Материалах».

Автобиография Т. А. Зайца² написана украинскою мовою, то есть по-украински. В ней автор хотел, как он заявляет, рассказать «читателям» чистую правду про свою жизнь в Православной Церкви и про то, из-за чего он вышел из нее.

И рассказал, но — смотря на православную жизнь из маленького сектантского окошечка и будто бы в очках с туманными стеклами,

¹ Бонч-Бруевич 1910.

² Зяец Тимофей Артемович (1833—4.11.1907), крестьянин с. Скибеньцы Сквирского уезда Киевской губернии. В 1892 г. был сослан на Кавказ в Елисаветпольскую губернию. См.: Записки Тимофея Зайца [Пер. с укр. и ред. А. К. Чертковой и Н. Н. Гусева. Предисл. А. К. Чертковой] // *Голос минувшего* 8—12. 1913. № 8. С. 152—176; № 10. С. 149—174; № 11. С. 162—193; № 12. С. 168—183 с портр. — *Примеч. ред.*

притом на душе у него были неизжитые воспоминания о старых обидах, а всю видимость покрывал какой-то духовный мрак, который мешал ему спокойно разобраться в обстановке. Оттого, на наш взгляд, в литературе Заяц много ярких и правдивых страниц, но немало и прилога.

Между тем о Зайце Бонч-Бруевич так отозвался: «Это крупнейший вождь южнорусского сектантства и стойкий боец за освобождение человека от “пут” духовного и материального рабства... Отстав от православия после долгих мучительных размышлений, он искренне всею душою отдался могучей волне “новой веры”, так называемого штундизма. <...> К нему шло много народа без различия религиозных убеждений и материального состояния — шли и за личным советом, и за рассуждением и думой о предметах веры и жизни, и с личным горем, и личным счастьем»³.

Одним словом, по отзыву Бонч-Бруевича, дедушка Заяц — крупный сектантский вождь. Тем интереснее проследить за его автобиографией.

После каких же мучительных размышлений Т. А. Заяц стал штундистом?

Об этом на украинской мове он так рассказывает: «Назад тому 50 излишком годов <...> панщину робылы панам, то я помню, як мий батько и маты жылы у наружной православной — ныхай вас Бог сохрани от попаваго православия!

Один пан, один пип, одно общество, одно семейство и уси составляют одно воровство, один обман, одно пьянство, прелюбодейство, убийство и прочее сему подобное зло. <...>

У мого отца було нас 3 сына, то у вечери, повечеряемо, стае батько и мате на колина, и мы уси тры стаемо на колина, и батько приказуе молитву, а ще молитва була униатска, тоди ище по руськи не умилы молытыся <...> у добавку молытыся — святытелю, Отче Хрыстов Мыколае, скорый помошныку, теплый заступныку, сохрани и заступы от поганской руки, от насвитской страмоты и от наглої смерти, и от морового повитря, и от лыхого чоловика, и прочее. — А по молытви отец сынам приказуе свое приказание: ну, хлопци, запрягайте волы, та

³ Бонч-Бруевич 1910. С. 59.

пойдемо на паньский лан (поле) и наберемо снопив — и тыхенько, не крычите, не кашляйте и не смийтесь, щоб хто не почув, бо як то зловить, то пан буде быты; и не перед ким не говорите. И поихалы, наворувалы снопив; на другу нич на степ по сино, а на третю ничь — у лис, а на четверту — у паньский магазин, — и дальше и дальше, пошло!..

Пан посылае эсаула и соцкого: а приведите мени Артема и Панько, и Евтуха, и Кузьму, и Мартына!

Пан. А ты, Мартыне, порався (распоряжался) сеи ночи у моему магазини, повурував волку, и сало, и табак забрав?

Мартын. Вельможный пане, ни и ни, я цилую ничь спав.

Пан. Та брешышь или врешь, пся крев, лайдаку, ты, ты забрав! Ризок!!

Мартын. Вельможный пане, ей Богу, и прысяга и Богу и Крест Святый, я не крав, а як не вирьте, пане, то я прысягну на Святый Евангелии и поцилюю, и Хреста поцилюю и землю ухоплю и из им и щоб и я изчернив, як оцяя Земля, Бог мыни свидетель, що я не ворував»⁴.

Такими мрачными красками Заяц изобразил православный быт родной семьи. Тут гнет барщины и хозяйская нужда. Но как допустить, что молящийся Мартын Заяц с детьми подряд четыре ночи «ворував», и даже со взломом замка у магазина? Это ведь уголовщина. Это должно было пробудить в сторожах особенную бодрость...

Между тем Заяц пишет, что в семье отца его продолжались воровские ночи. Допустима ли такая беспечность в панском хозяйстве?

Тут, очевидно, автор автобиографии для своей цели сгустил краски и преувеличил преступность семьи. Но в то же время он осветил «власть тьмы», в которой находились православные люди. Отец и мать Т. Заяца — по-своему люди благочестивые, с добрыми православными обычаями. Насколько умели, они усердно молились Богу и святым Его. Благоговейно почитали Крест Христов. Но, говорит Т. Заяц, все это было наружно. Оно не проникало в глубину души. И потому отец в простоте думал, что «воруваты» у пана сена и дров — ничего, это дело житейское, грех маленький...

⁴ Там же. С. 12–13.

Так. Но каким образом Артем Заяц мог спуститься до уголовных походов в панский магазин? Это трудно допустимо. Это непонятно. И что тогда переживал Т. Заяц? Испытывал ли он тогда нравственные муки? И откуда это следует? Не видно из его литературы, чтобы он тосковал тогда по поводу образа своей жизни и беспокоился совестью. Позже он обобщил сам ли, или под чужую диктовку, что «уси воры». А справлялся ли он когда-нибудь у приходского священника: «Что <...> Церковь Православная благословляет людей на воровство, на блуд и на другие пороки?»

Нет, такого не было, да он и не думал обращаться к батюшке. Должно быть, сторонние люди подсказали ему, что Церковь заодно с ворами, блудниками, ругателями. А он, поверив этому, порвал связь с Православием...

Ах, как неправо поступил Т. Заяц! Если бы в душевных волнениях он, неграмотный, тогда открыл душу батюшке, ему бы прочли из «Сокровища духовного, от мира собираемого», книги святителя Тихона Задонского, только бы из этой священной книги, что святое Православие — это не только наружность, а сама святая жизнь во Христе. Оно дышит Евангелием, как человек воздухом. У Христа оно берет спасительные уроки веры и жизни и ежедневно услаждает молящихся за Литургией чтением Евангелия. А «трубки, табакырки, пьянство, воровство, прелюбодейство» — это зло идет совсем не из Церкви, и Церковь не благословляется.

Но Т. Заяц об этом не допытывался. И не видно из его автобиографии, чтобы он в Церкви мучительно искал ответа на свои сомнения.

Сам он будто бы случайно натолкнулся на спасительную дорогу жизни. Об этом он так рассказывает: «Пустив я дитей до школы, а мене уже диты учили, и я начав читаты Евангелие. Ге, ге, ге, що мы робымо! Мы диавола боимся, а дила постоянно диавольския творимо. И ништо нас не спамятаемо, что не робыте так!

И у 1875 году бросив я водку пыты и трубку курыты, ругатысь и вороваты, и прочее зло перестав делаты, и дитей учыв, щоб не делалы зла, и людям говорыв тоже: покаемося, бо грих табакырку нюхаты»⁵.

⁵ Там же. С. 14.

Так задушевно изображает Заяц совершившийся в нем религиозный переворот. Изображает, однако, тенденциозно и с умолчанием. Прежде всего он хочет показать, что сам нашел он оправдание для своего выхода из Православия. «Деты» научили его читать, и стал он читать Евангелие, и узнал из него, что грех «водку пыты, трубку курыты, ругатысь, вороваты».

Так. Но грамотный Заяц постарался ли сличить учение Церкви с проповедью Евангелия? Нет, улицу, пьянство на селе он счел синонимом Церкви.

Между тем как Церковь и в службах своих, в проповедях, в житиях святых и примером трезвых православных людей учит, что они должны жить свято и уклоняться от всякого греха.

Значит, узнал из Евангелия Заяц, что и живя в Православии, покаяйся и поступай, как учат святые отцы. Но он так не сделал. Он ушел в штунду.

Значит, с нею у него уже завязаны были духовные сношения. В ней он нашел родственную себе среду. Там его духовно «пригрели», тогда как в православии его будто бы «никто не опамятовал», что надо жить по-Божьи...

Вот здесь и следует видеть главную причину уклонения Т. А. Заяца в штунду. В Православной Церкви он не нашел живых поборников доброй жизни. Там батюшка, конечно, говорил о евангельских добродетелях, но говорил, должно быть, не доходчиво до души. Его слова проносились над приходом «веянием холодным», и потому они мало кого «опамятовали».

А надо бы и тогда уже в приходе составить народное братство поборников православной веры и доброй жизни. Это братство собрало бы в родную семью богобоязненных и трезвых прихожан. Они бы регулярно собирались вместе для молитвы, для чтения слова Божия, для взаимного поучения, для благодатного рассмотрения приходских дел и для организации помощи нуждающимся. А потом, духовно подкрепленные и согретье братской любовью, они рассеялись бы по приходу, как милосердные самаряне, и всем людям «опамятовали» бы, что для спасения души надо не одними церковными обрядами служить Богу, не наружно только значиться человеками Церкви, а для того надобно

II. ПАСТЫРСКО-МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ

гореть перед Богом чистою верой и добрыми делами: не пьянствуйте, братья и сестры, не воруйте, не блудите, Боже оборони, не ругайтесь матерно и черным словом, не курите, не нюхайте табаку, ибо это, помимо всего, вредно для здоровья!

Вот если бы в приходе Зайца в свое время существовало такое братство, он мог бы и не затосковать от духовного одиночества. И не имел бы нравственного права сказать: «Один пан, один пип, одно воровство, пьянство и блуд».

Но такого спасательного братства православных людей Заяц в своем приходе и поблизости не нашел. И, духовно пробужденный, голодающий, погнался за миражом хорошей жизни в штундовом братстве.

Мораль из автобиографии Т.А. Зайца ясна и повелительна: надо безотлагательно во всех православных приходах организовать братства ревнителей Православной веры по подобию средневековых южнорусских братств. Об этом деятельно заботится Священный Синод при блаженнейшем нашем Патриархе.

Братства в пору давления на Православную Церковь католичества оказали православному народу громадную помощь. Братства, надобно в это верить, и теперь будут крепкой ячейкой образования в приходах возрожденной, сознательной и добродетельной жизни.

Пора крепко запомнить, что и с расколо-сектантским движением в народе Православная Церковь может справиться только через Братства — мирно и благодатными средствами.